

архивный и фотом. - 1994 - 21.02.94
Евгений Матвеев:

«Хочу, чтобы тетя Дуся и дядя Вася меня понимали»

- Ой, Господи, бачу живого Матвеева! А он же страшной и поганый, что ж я детям скажу!

Это игривое изречение принадлежало бодрой тете с анапского рынка и адресовалось не столько рыночной публике, сколько самому Евгению Матвееву. Евгений Семенович тогда не смутился и не обиделся, обрадовался даже. И правильно сделал: так можно разговаривать лишь с тем, кого давно и крепко любишь, кого считаешь своим.

- Евгений Семенович, а вы никогда не задумывались, за что вам такая народная любовь?

- Ну, наверное, за искренность мою. Я очень быстро нахожу с людьми общий язык, когда приезжаю на творческую встречу в какое-нибудь село или в район-центр. Мне так легко с ними, если б вы знали! И им легко. Они через две минуты - мои. А отчего - не знаю. Наверное, оттого, что не лукавлю...

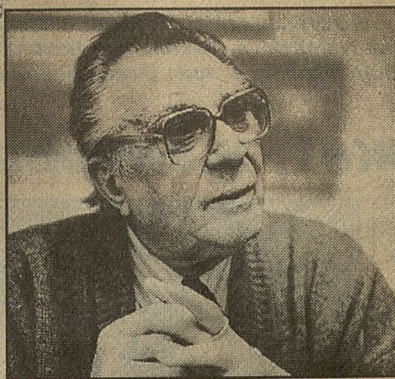
Кстати, многие приняли за лукавство публикацию в вашем недавнем номере, выступление моего персонажа - Брежнева. Короткий телефонный разговор, видимо, располагает к неточностям. Я, во-первых, не хотел говорить от имени Брежнева - говорил от себя. А во-вторых, я никогда ничего плохого о коммунистах не скажу, хотя голосовал за «Выбор России». Когда-то я в шутку сказал, что я создал свою партию ЖПСС - «жить по собственной совести». В шутку. Но ведь это действительно мое кредо. И теперь, возникни хоть сотня компартий, я ни в одну из них не войду. Но тем не менее я и по сей день остаюсь коммунистом - для меня это религия, я в это верю, как в прекрасное будущее, - не важно, когда оно наступит. Благородство человеческих отношений (это можно как угодно называть) я по привычке, по воспитанию называю коммунизмом. И коммунисты для меня - это не те, кто сидел в ЦК, а те, к кому я ездил на целину, на БАМ...

Меня кинематографисты в свое время обвиняли в том, что у меня кино слишком простое. Да, конечно же, потому что я хочу, чтобы и тетя Дуся, и дядя Вася меня понимали. Я все чаще думаю о том, что человек живет очень мало. И когда он трудится, надо ему все-таки давать крылья. Знаете, есть картины, в которых герои пребывают в страшном горе, а выходишь из зала - хочется жить, хочется работать... А бывает, посмотришь - и впору удивиться. Ну зачем такое искусство? А вот в рассказе Шолохова, а потом в фильме Бондарчука «Судьба человека» - тоже и правда, и горе. А вспомните свои ощущения после фильма! Мои фильмы «Любовь земная» и «Судьба» недаром посмотрело такое количество людей, и до сих пор заявки идут, хотя их нигде не показывают! Да, я иногда шел на компромиссы...

- Цель оправдывает средства?

- Конечно! Привожу пример. Дерюгин, обороняя Смоленск, видит собор. Потом он вдруг видит себя в 1611 году, как он взрывает этот собор, потому что туда залезли враги, и крестится. А мне сказали: вы что, пропагандируете религию! Это вырезать! Я сказал: «Хорошо». Что я делаю? Сюда рука - сюда - сюда - и отрезал. Народ все равно понял, что он перекрестился, а «они» успокоились.

- Кстати, о крыльях. На это есть гораздо более циничная точка зрения. В тридцатых - сороко-

вых много было «крылатых» картин, и куда мы на этих крыльях залетели? И не потому ли сейчас на экранах господствует чернуха, что крылья, которые лепили к каждой картине, уже вызывают аллергию?

- Знаете что... Тут не скажешь сразу, где черное, где белое. Надо вглядываться, вслушиваться в биение сердца людей...

- Но кинопроцесс-то идет...

- Да пусть идет! Вот смотрите. Что хорошего было в таких картинах? Они поднимали людям настроение, мобилизовывали, объединяли - тогда это было надо. С другой стороны, народ не знал, сколько было замученных и расстрелянных. Вы что угодно можете про меня думать - но я действительно не знал!!!

- А если бы знали - все равно снимали бы такие фильмы?

- О красоте человеческой души? Конечно! Другое дело, что я сегодня насытил бы картины не только той правдой, что в душе человека, но и той, которая его окружает. Искусство должно возвышать человека, утверждать его в добрых намерениях, помогать ему жить.

- Евгений Семенович, вы, похоже, человек заводной. Скажите, за что бы вы смогли ударить человека? И вообще, часто ли бывало такое - при вашем темпераменте?

- Бывало, бывало. Подлеца я вполне могу ударить. Однажды в

Малом театре был случай, когда один режиссер - не буду называть фамилии - раз актрису оскорбил, два, три, а она, только чтобы роль не потерять, - терпела. А он ей говорил: «Что ты ноги расставила, тебя все равно никто трогать не будет!» Это - актрисе, женщине, матери! Я подошел и сказал: «Если вы еще раз что-нибудь подобное скажете, я вам дам по физиономии». С роли меня не сняли - это не так просто сделать. Но в списке ролей следующего спектакля я своей фамилии не увидел.

- Одно время вам так часто и яростно приходилось отбиваться от нападков и защищать свои творения, что сейчас не могу удержаться от вопроса: как вы сами считаете, сняли ли вы хоть одну неудачную картину?

- У меня не было ни одной картины, которую я не хотел делать. Конечно, «Цыган» - там все стили есть, это эклектика, мне хотелось делать все. А вот уже «Почтовый роман» - там есть, я считаю, сцены высокого класса. Подчеркиваю: сцены!

- То есть по большому счету проколов не было?

- Ну, были более удачные картины, были менее. Великий Ромм сказал: если вам удалось 40% вашего замысла, вы можете считать себя счастливым. Я, когда это читал, еще не занимался режиссурой, поэтому думал: какое кокетство! А потом, когда сам занялся, я понял: если даже 20% удастся, уже можешь быть счастливым. Недавно я посмотрел свой пятнадцатилетней давности фильм «Судьба» и скажу вам: там есть сцены, под которыми и сейчас подпишусь. А есть сцены...

- Но вы все равно счастливый?

- Да. Толстой сказал, что люди торопятся поделиться своим горем и не торопятся - счастьем. Я люблю делиться радостью. Я счастливый.

Беседовал В. МАРТЫНОВ.

Фото С. Плевако

МБ 70

Матвеев 96г.